

Введение

В 1641 году Голландская Вест-Индская компания (WIC) овладела португальскими анклавами в Анголе и на территории Конго. Нидерландцы уже с начала столетия навывались в этот регион с целью приобретения невольников, которых впоследствии переправляли в американские колонии. На следующий год разразилась война между королем Конго Гарсией II и доном Даниэлем, наместником Соньо — прибрежной провинции королевства. Нидерландцы, стремившиеся к поддержанию добрых сношений с обеими враждующими сторонами, представлялись естественными посредниками в назревавшем конфликте. И Конго, и Соньо направили свои посольства к Иоганну Морицу Нассау-Зигенскому, пребывавшему в Ресифи в качестве губернатора Новой Голландии — территории на северо-востоке Бразилии, оккупированной нидерландцами с 1630 года. Чтобы подкрепить свою просьбу, Гарсия II преподнес Нассау двести рабов и серебряное блюдо. Это изделие было создано в Верхнем Перу (современная Боливия) из серебра, добытого на рудниках Потоси. Контрабандным путем блюдо было переправлено в Бразилию, чтобы португальцы могли даровать его королю Конго. Поскольку встреча в Ресифи не увенчалась заключением соглашения, Нассау позволил одному из посланников Соньо

отбыть в Амстердам, чтобы представить дело своего повелителя непосредственно директорам WIC. Таким образом, дон Мигель де Кастро отплыл в Соединенные провинции, куда и прибыл в июне 1643 года. Посланник пробыл там два месяца, прежде чем вернуться в Африку на судне компании. За время своего пребывания он позировал живописцу Ясперу Бексу, создавшему его портрет, на котором дипломат запечатлен в европейском облачении и элегантной бобровой шляпе, украшенной длинным оранжевым пером.

Этот краткий эпизод, хотя и не повлекший за собой значимых исторических последствий, тем не менее приоткрывает завесу над реальностью и многообразием перемещений, характеризовавших Атлантический мир XVII столетия. Здесь мы наблюдаем прежде всего индивидов, совершающих путешествия меж тремя континентами. Весьма вероятно, что дон Мигель де Кастро переправился из Конго в Бразилию на невольничьем корабле — факт, задокументированный для других африканских посланников, пересекавших Атлантику в XVII и XVIII веках. Далее мы видим, как политические силы по обе стороны океана устанавливали и поддерживали дипломатические отношения, формализованные через обмен посольствами и дарами. Эти престижные артефакты служат наглядной иллюстрацией циркуляции серебра из Верхнего Перу, мехов из Северной Америки и различных изделий европейского мануфактурного производства, как, например, украшенная шпага, которую дон Мигель де Кастро носил на левом боку.

Не менее значимо и то, что эта история обнажает культурные трансферы, явленные через христианские имена посланника и его слуг — Диего Бембы и Педро Сунды, также изображенных в европейской одежде. У первого в руках небольшая деревянная шкатулка, подобная тем, что хранились в кабинетах редкостей той эпохи, а второй держит слоновий бивень. При более внимательном рассмотрении, если обратить взор на тех людей, чьи следы так или иначе сохранились в этом микрособытии, мы най-

дем индейцев Анд, трудившихся на серебряных рудниках Верхнего Перу, местных ремесленников, которые обрабатывали необработанный металл в предмет роскоши, и контрабандистов, доставивших его в Бразилию. Прослеживая же происхождение бобровой шляпы, мы обнаружим индейцев, охотившихся на животных, торговцев, скупавших шкуры и переправлявших их в Европу, где искусные шляпники создавали эти изысканные головные уборы.

Для полноты картины нужно упомянуть африканцев, трудившихся на бразильских плантациях, депортация которых составляла экономическую основу нидерландского присутствия в Конго, а также португальских миссионеров, распространявших христианство на побережье Центральной Африки. Именно переплетение судеб и деятельность этих безымянных акторов, обитавших на разных континентах за тысячи километров друг от друга, находят свое отражение в посольстве дона Мигеля де Кастро. В этом отношении оно представляет собой ярчайший пример тех связей, что формировались вокруг Атлантики и позволяют рассматривать его как особый мир, исследованию которого и посвящена настоящая работа.

Атлантический мир надлежит понимать прежде всего в его географическом измерении, объединяющем три континента — Европу, Африку и Америку, хотя в американской традиции принято различать Северную и Южную Америку, а следовательно, полагать, что океан омывает четыре материка. Лишь постепенно, на протяжении XV столетия, отважные мореплаватели продвигались в своих странствиях — сначала на юг вдоль африканских берегов, затем на запад в надежде достичь Азии. Но одного лишь достижения далеких земель было недостаточно — требовалось постичь сложную систему ветров и течений. Познание заморских регионов и овладение навигационными условиями позволили европейцам преобразить безбрежность Атлантики, прежде бывшей лишь границей зримого мира, в морскую акваторию, где стали возможны регулярные перемещения.

Преграда трансформировалась в фундамент для обменов формирующегося мира, открывавшегося человечеству.

Именно человеческое измерение Атлантического мира мы стремимся поместить в фокус нашего исследования, рассматривая, каким образом существование, деятельность и мировосприятие коренных американцев, африканцев, европейцев и креолов формировали атлантические процессы и одновременно сами испытывали их преобразующее влияние. Эти взаимодействия превратили океан в пространство, пронизанное многообразными потоками, которые с течением времени становились все более разнообразными и интенсивными. Атлантика стала открытым миром взаимодействий — как мирных, так и насильственных; миром перемещений людей и иных живых организмов (животных, растений, микробов), а также обмена товарами, идеями, капиталами, знаниями, практиками и представлениями. Это беспрецедентное схождение породило явления колоссального масштаба: добровольные и принудительные миграции миллионов людей, колониализм, а также бурное экономическое и торговое развитие.

Надлежит, однако, неустанно помнить, что эти процессы разворачивались на протяжении нескольких столетий и не утверждались повсеместно единообразно или в рамках единой хронологии. Не все американские территории колонизировались одновременно или одинаковым образом; работоторговля затрагивала прибрежные регионы Африки с разной интенсивностью и в различные периоды; наконец, атлантическая торговля не являлась исключительным приоритетом для всех негоциантов европейских портов. Преодоление изоляции, а затем интеграция Атлантического мира протекали извилистым путем, отмеченным чередованием периодов стагнации, трений, замедлений и форсированного развития. Европейцы выступили зачинателями и основной движущей силой крупных трансформаций, пережитых Атлантическим миром между XV и концом XVIII века, главным образом благодаря развитию произво-

дительных экспортных экономик в Америке. Эта история, безусловно, является историей европейцев, но в не меньшей степени она принадлежит африканцам, коих было значительно больше и которые подверглись насильственному переселению в Америку, а также коренным жителям Америки, миллионы которых погибли (жизнь же выживших изменилась столь радикально, что, без всякого сомнения, они также ощущали себя жителями нового мира).

Исследование Атлантического мира, в отличие от многих иных исторических областей, на первый взгляд, обладает четкой точкой отсчета, которую можно даже точно датировать: 12 октября 1492 года, когда Христофор Колумб ступил на американскую землю. Но при ближайшем рассмотрении очевидное становится не столь однозначным. С одной стороны, за исключением нескольких таино¹ и горстки измученных мореплавателей, в этой дате на тот момент не было ничего реально значимого. С другой стороны, эта дата, охотно принятая американской историографией, вносит определенное искажение, смещая акцент в пользу евро-американского видения Атлантики. Когда Колумб прибыл на Багамы, Бартоломеу Диаш уже почти четыре года как обогнул мыс Доброй Надежды и открыл морской путь вокруг Африки. Португальцы к тому времени основали поселения на африканском побережье, создали плантации сахарного тростника, использующие рабский труд, и положили начало межэтническим контактам, приведшим к процессам метисации и креолизации. Таким образом, постижение процесса формирования Атлантического мира неминуемо начинается с осознания демонтажа барьеров в его восточной части, который начался с продвижения португальцев вдоль африканских берегов с 1420-х годов. Определение конечной хронологической рамки исследования сопряжено со значительными

¹ Таино (*исп.* Taino) — коренное население Карибских островов. — *Прим. ред.*

трудностями, поскольку обмены и перемещения не претерпевали значительных трансформаций одновременно. Необходимо сделать выбор, без сомнения, произвольный, который может быть оспорен. Мы определим ее приблизительно 1790 годом, кануном эпохи атлантических революций, первым проявлением которых стала Война за независимость Америки. В 1791 году восстание рабов Сан-Доминго, бывшего тогда самой продуктивной колониальной территорией Америки, потрясло здание, уже давшее трещины. Два года спустя война между Францией и коалицией европейских держав открыла период существенных нарушений в сфере торговли и трансокеанского мореплавания. Выбранный хронологический отрезок позволяет рассмотреть два важных периода в истории Атлантического мира. Первый из них охватывает, условно говоря, период преодоления изоляции и начала взаимосвязанности различных прибрежных регионов океана, что продолжалось до середины XVII века. Затем последовало время интенсификации атлантических перемещений, углубления интеграционных процессов и расширения спектра обменов.

Фундаментальный посыл нашего исследования заключается в том, что эволюционные процессы, протекавшие в обществах Европы, Африки и Америки, не могут быть в полной мере осмыслены без учета трансокеанических перемещений и связей. Воздействие этих процессов варьировалось в зависимости от эпохи и конкретного региона, и их надлежит рассматривать в неразрывной связи как с внутренними факторами — будь то локального или национального порядка, — так и с внешними, охватывающими континентальные и глобальные измерения. Если одни пространства, подобные портовым городам или сахарным островам Антильского архипелага, оказались целиком интегрированы в атлантическую динамику, то и более углубленные в материк регионы, равно как и страны, лишённые колониальных владений, также испытывали ее воздействие. Даже на удалении сотен километров от по-

бережья, в глубине континента, атлантические обмены могли выступать мощным стимулом для индейца с запада Великих озер, промышлявшего охотой на бобра, или же оборачиваться проклятием для африканца, захваченного в плен во внутренних областях континента, либо для индейца из Анд, ставшего жертвой эпидемии оспы. Но еще далее простиралось это влияние: на индийского ткача, чьи хлопчатобумажные изделия использовались в торговле с Африкой, или на китайского ювелира, обрабатывавшего американское серебро. К этому перечню можно добавить и рядового потребителя антильского сахара, где бы он ни находился. Таким образом, становится очевидным, что Атлантический мир посредством множества переплетающихся связей постепенно распространял свое влияние далеко за пределы собственных берегов, затрагивая судьбы бесчисленного количества людей, осознавали они это или нет. Весьма вероятно, что бостонский купец, нантский портовый рабочий, раб с Ямайки, индеец с серебряных рудников Мексики или даже дон Мигель де Кастро были бы крайне изумлены, узнав, что принадлежат к одному и тому же миру. Однако Атлантический мир, будучи неоспоримой реальностью, являл собой также конструкт изменчивый и подверженный трансформациям, и его влияние, в зависимости от конкретных обстоятельств, могло быть преобладающим, второстепенным, эпизодическим или же вовсе маргинальным.

Научный вызов, сопряженный с написанием этой истории, заключается в необходимости одновременного удержания в фокусе внимания как разнообразия, так и глобальной согласованности, как фрагментации, так и интеграции, как автономии, так и взаимозависимости. Именно в этой диалектической игре противоречий надлежит сохранять равновесие, дабы не преувеличивать ни уникальность отдельных явлений, ни их общие черты. Атлантика как особый исторический объект представляет собой конструкцию относительно недавнего происхождения. Сама

идея атлантической цивилизации возникла лишь в XX столетии и получила свое развитие в контексте холодной войны, позиционируясь как альтернатива советскому миру. Хотя обширное многообразие исторических трудов не позволяет сформулировать каноническое определение, для тех исследователей, кто относит себя к данному направлению, атлантическая история — это прежде всего особая исследовательская перспектива, выходящая за рамки конкретного выбора мест, тематик или изучаемых групп населения. Ее фундаментальная идея зиждется на убеждении в сочлененности, переплетении или даже взаимозависимости изучаемых феноменов и пространств. Речь идет о том, чтобы рассматривать их в широком, трансверсальном ключе, преодолевая колониальные и имперские рамки, но тем не менее не пренебрегая ими.

Начиная с 1990-х годов атлантическая история переживает заметный подъем. Зародившись в Соединенных Штатах Америки, где она отвечала на насущный общественный запрос, она получила широкое распространение далеко за пределами академического исторического сообщества, что побудило крупные англосаксонские издательства публиковать различные версии истории Атлантического мира, как правило, представляющие собой коллективные труды высокого научного уровня. Это направление также распространилось и в Европе, отчасти благодаря, а иногда и в конкуренции с тенденцией к глобальной и взаимосвязанной истории мирового масштаба. Во Франции колониальная история и история трансатлантических отношений являлись плодотворным полем исследований начиная с 1950-х годов, что блестяще демонстрирует творческое наследие Пьера Шоню. Тем не менее представляется, что на начальном этапе наблюдалось определенное отставание и, возможно, даже некоторое сопротивление принятию обновленных принципов атлантической истории, в то время как она активно развивалась в Великобритании и Нидерландах.

Однако в последние годы ситуация претерпела изменения. Французские историки создали работы, посвященные различным пространствам, и затронули множество тематик, охватывающих программное поле данной специализации. С другой стороны, обобщающие труды остаются сравнительно редкими, что, вероятно, обусловлено значительным местом, которое занимают фундаментальные исследования по колониальной истории. Не возвращаясь к ставшей классической книге Жака Годшо «История Атлантики» (1947), следует упомянуть общее исследование «История Атлантики: от Античности до наших дней», написанное Полем Бютелем в 1997 году, которое имеет явную ориентацию на экономическую историю. В 2001 году Марсель Дориньи руководил подготовкой специального выпуска журнала *Dix-huitième siècle* («Восемнадцатый век») под названием «Атлантика». Этот том, объединивший около 20 статей, продемонстрировал богатство данного исторического поля. Восемнадцатое столетие также стало предметом двух менее масштабных работ: книги Паскаля Бриюиста (2007) и краткого исследования Анн-Мари Аттингуа-Форнер (2013).

Именно в этом контексте и появляется настоящая работа, избирающая хронологический масштаб, промежуточный между описанием истории от ее истоков до современности и исследованием отдельного столетия. Цель настоящего труда — предложить читателю своего рода вводную работу, позволяющую постичь природу, многообразие и размах тех потрясений, которые затронули Атлантический мир с XV до конца XVIII века. Первым этапом стало исследование побережий и создание первых поселений, что потребовало обретения новых мореходных навыков и способности воспринимать океан и его берега в их целостности. Лишь после этого началась колонизация, представлявшая собой значительно более сложную реальность, нежели простое осуществление управления на расстоянии многих тысяч километров.

Открытие Атлантического пространства превратило его в новое поле открытого соперничества между европейскими державами, в котором коренные жители обладали реальным весом и влиянием. Но Атлантический мир был прежде всего человеческим опытом для миллионов мужчин и женщин, которые пересекали его: одни — влекомые надеждой на лучшую долю, другие — не понимая, почему их погрузили на корабли. Америка стала землей смешения народов и одновременно обособления индивидов. Этот человеческий опыт разворачивался в производственных рамках, значимость которых породила множество вопросов у историков. Эксплуатация существующих ресурсов и развитие новых сельскохозяйственных культур питали трансатлантические потоки, важность которых была как экономической, так и политической. Вероятно, именно через торговлю последствия существования Атлантического мира ощущались наиболее остро, поскольку это был также мир потребителей, которые по желанию или по необходимости приобретали продукты из далеких стран. Наконец, обмен людьми и товарами неизбежно сопровождался изменениями в ментальных установках и практиках, особенно в Америке, ставшей континентом, наиболее глубоко преобразованным столетиями обменов с Европой и Африкой.

Не претендуя на исчерпывающий характер изложения, описание этих крупных трансверсальных явлений и их вариаций стало руководящим принципом нашего подхода. Стремление объединить в едином рефлексивном поле глобальное и локальное должно позволить выявить константы, изменения, разрывы преемственности и асимметрии, а также отразить сложную вложенность исторических реальностей, которые могут проявляться в масштабе океана, империй, наций, регионов или более ограниченных территорий. Таковы необходимые вариации для постижения сути атлантического опыта, состоявшего из приспособлений и адаптаций в рамках подвижного мира с переплетающимися идентичностями.

1

ФОРМИРОВАНИЕ АТЛАНТИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Хотя 1492 год, бесспорно, стал переломным в истории Атлантики, не следует преуменьшать значение тех событий, что происходили в регионе еще до рождения Христофора Колумба в 1451 году. К тому времени португальские экспедиции вдоль африканского побережья уже открыли новые горизонты и позволили установить контакты с местным населением. Прибытие европейцев в Америку положило начало принципиально новой трансокеанской динамике: стали появляться постоянные поселения, начались первые миграционные процессы, а интеллектуальные круги пытались понять и описать открывшийся им мир. Все это и привело к формированию того, что мы называем Атлантическим пространством.

У истоков Атлантического мира

Португалия в африканской Атлантике

14 августа 1415 года португальские войска одержали победу в битве при Сеуте, расположенной на африканском берегу Гибралтарского пролива. Этот триумф, открывший португальцам путь на юг, принято считать отправной точкой эпохи Великих географических открытий. Однако португальское продвижение вдоль марокканского побережья на самом деле было подготовлено чередой генуэзских и каталонских экспедиций XIV века, достигших Азорских островов, Канарских островов и Мадейры. Из всех этих земель только Канарские острова стали объектом колонизации – попытки были предприняты в 1402 году французскими дворянами, присягнувшими на верность королю Кастилии. Этот первый, довольно хаотичный опыт характеризовался жестокой эксплуатацией коренного населения – гуанчей, которых принуждали к выращиванию сахарного тростника. В итоге гуанчи практически исчезли, не выдержав жестокого обращения.

После взятия Сеуты португальцы продолжили плавание на юг вдоль африканского побережья. Около 1420 года они достигли Мадейры, а затем, примерно в 1427 году, – Азорских островов, начав заселение этих безлюдных территорий. Постепенно португальские

мореходы продвигались все дальше, в места, не отмеченные ни на одном портулане¹. Они приближались к «жаркому поясу», где, согласно легендам, морская вода буквально кипела от невыносимой жары. Важной вехой стало преодоление мыса Бохадор на сахарском побережье, известного также как «Мыс страха». В 1434 году Жилу Эанешу удалось войти в «Море тьмы»², а в следующем году пересечь тропик Рака. Это стало триумфом человеческого духа над страхом, а также свидетельством высокого мастерства мореходов, которые, в совершенстве овладев искусством использования ветров и течений, смогли благополучно вернуться домой. Папский престол всячески поощрял португальские завоевания, предоставляя участникам походов против мавров, чье присутствие в тех неизведанных краях было хорошо известно, как отпущение грехов, так и полные индульгенции. В 1443 году португальцы основали свою первую факторию на острове Арген у берегов Мавритании. Выбор места был обусловлен наличием источников пресной воды, а также стремлением получить прямой доступ к африканскому золоту, которое уже тогда поступало в Португалию во все возрастающих количествах, что позволило королевству в 1457 году начать чеканку новой монеты — крузадо. Изменение направления торговых путей через Сахару преследовало несколько целей: устранить марокканское посредничество, приблизиться к источникам добычи золота и слоновой кости, а также обеспечить Иберийский полуостров, страдавший от нехватки рабочей силы, невольниками. В 1444 году Нуну Триштан достиг устья реки Сенегал, где впервые вступил в контакт с населением Черной Афри-

¹ Навигационные карты, используемые европейскими мореходами, в основном в Позднем Средневековье. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

² Так в Средние века называли Атлантический океан южнее мыса Бохадор.

1. ФОРМИРОВАНИЕ АТЛАНТИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

ки, которую в те времена обобщенно именовали Гвине-ей. Именно там португальцы захватили первых африканских пленников, впоследствии проданных в рабство на территории Португалии. Следующей важной вехой стало открытие Сьерра-Леоне, где береговая линия делала поворот к востоку, что породило надежды на возможность обогнуть Африканский континент. Впрочем, мореплаватели вскоре поняли, что обнаружили лишь вход в Гвинейский залив, куда корабли добрались примерно к 1460 году.

В последующие годы темпы португальской экспансии существенно снизились, и это затишье продлилось почти десятилетие. Историки связывают такую паузу с двумя основными причинами: необходимостью тщательного изучения особенностей мореплавания вдоль берегов Гвинеи и потребностью в освоении уже открытых земель. На протяжении 1450-х годов происходило постепенное преобразование Мадейры и Азорских островов: из простых пунктов стоянки кораблей, направлявшихся к югу, они превратились в полноценные колонии с развитым сельским хозяйством. Сначала здесь выращивали пшеницу и виноград, затем — сахарный тростник, в особенности на Мадейре. Португальцы широко использовали рабский труд, чему способствовала массовая депортация жителей Африканского континента. Уже во второй половине XV века сахар с Мадейры распространился по всей Европе, вытеснив своего средиземноморского конкурента.

Производство сахара на Мадейре стало возможным благодаря совокупности нескольких факторов: политической воле португальцев, стремившихся освоить новые территории, генуэзским инвестициям, расширению торговых сетей в Европе и использованию подневольного труда. Параллельно продолжались поиски товаров, которые можно было бы экспортировать в Европу. Этим занимались такие незаурядные личности, как венецианец Альвизе Када-Мосто и генуэзец Антонио Узодимаре,

которые сочетали в себе таланты мореплавателей и предпринимателей. Под португальским флагом они исследовали архипелаг Кабо-Верде и побережье Сенегамбии¹, поднимаясь по рекам в середине 1450-х годов в поисках новых товаров, в первую очередь золота. В конце концов, относительное затишье 1460-х годов было связано со смертью принца Энрике, прозванного Мореплавателем. Будучи третьим сыном короля Жуана I, он обрел славу благодаря своему увлечению африканскими экспедициями. Им двигало не столько любопытство, сколько стратегический замысел: обойти мусульман с тыла, распространить христианскую веру и приумножить богатства во славу свою и своего рода. Энрике, который получил права донатария² на Мадейру, сыграл определяющую роль в португальской экспансии вдоль африканского побережья. Он не только организовывал экспедиции и назначал доверенных лиц на ключевые должности, но также выдавал разрешения на мореплавание и обеспечивал финансирование путешествий. Особенно значимым оказалось его умение привлекать частные инвестиции, преимущественно итальянские, которые в итоге покрыли две трети всех экспедиционных расходов. Данная практика продолжилась и в последующие годы, что подтверждается историческим фактом: в 1469 году король Афонсу V предоставил купцу Фернанду Гомишу исключительное право на ведение торговли вдоль африканского побережья сроком на пять лет. В качестве ответных обязательств Гомиш должен был не только выплачивать установленную пошлину, но и ежегодно проводить исследования береговой линии, продвигаясь на сто лиг (приблизительно

¹ Историческое название географического региона, охватывающего бассейн рек Сенегал и Гамбия.

² Донатария — это система, при которой король дарил землю или права на управление определенной территорией в обмен на лояльность и службу.

1. ФОРМИРОВАНИЕ АТЛАНТИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

600 км) вглубь неизведанных территорий. Можно предположить, что именно эти условия послужили стимулом для возобновления активных географических изысканий. Однако не менее важным фактором стал и значительный технический прогресс: к 60-м годам XV столетия португальские мореплаватели существенно усовершенствовали конструкцию каравелл и досконально изучили систему ветров и морских течений в Гвинейском заливе, что создало благоприятные предпосылки для дальнейших великих открытий.

Знаменательным событием этого нового этапа стало историческое достижение: впервые в истории европейское судно пересекло экватор, а произошло это 21 декабря 1471 года. Экспедиция под командованием Жоау де Сантареня и Педру Эшкобара достигла острова Сан-Томе, а затем Принсипи, названного так в честь принца Жуана, наследника португальской короны. В течение следующих двух лет было исследовано все побережье Гвинейского залива. Регион казался многообещающим: друг за другом перед взором португальцев возникали Перечный Берег, Берег Слоновой Кости и Золотой Берег, где первые же сделки позволили приобрести драгоценный желтый металл. Вспыхнувший военный конфликт между Португалией и Кастилией (1475–1479) временно остановил дальнейшее продвижение португальцев вдоль африканского побережья, заставив их обратить все силы на охрану существующих факторий. В 1482 году началось строительство крепости Эльмина на месте фактории, основанной в 1471 году, причем все необходимые материалы доставлялись из Португалии. К 1486 году фактория, получившая статус города, превратилась в процветающий торговый центр. Совместно с Аргеном и целой сетью португальских фортов вдоль гвинейского побережья она существенно изменила традиционные маршруты транссахарской торговли, направив их через свои пристани. Однако португальцы не собирались останавливаться на достигну-